

Zatovkaňuk, Mikuláš

Проблематика украинского пассива : (на фоне русского языка)

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1985, vol. 34, iss. A33, pp. [45]-50

ISSN 0068-2705

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101323>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

МИКОЛАШ ЗАТОВКАНЮК

ПРОБЛЕМАТИКА УКРАИНСКОГО ПАССИВА (НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

1. Прежде всего напрашивается вопрос о том, как сказывается на структуре украинского пассива тот факт, что в украинском языке произошло разрушение парадигмы кратких прилагательных и кратких страдательных причастий, которые вместе с полными страдательными причастиями служат основной формой страдательного залога в современном русском языке (Baláz, 1968). Особенностью украинских причастий является отсутствие в укр. языке их специализированных форм для предикативного функционирования, а наличие общих полных (как правило, стянутых) форм для предикативного и атрибутивного употребления (-ний, -на, -не; -тий, -та, -те) и отсутствие грамматических -м-форм в современном украинском.¹ Но указанные укр. формы на -ний ... не всегда восполняют „пустое место“, появившееся вследствие разрушения кратких форм в этом языке.

1.1 Полной формой страдательных причастий выражена приблизительно половина исследованных украинских адекватных эквивалентов русских кратких форм, входящих в состав пассивных конструкций; напр.: Пешеход ... будет *задавлен* тяжелым автокаром. — Ильф, Петров: укр. Пішоход буде *задавлений* важким автокаром. — 1972.² Краткие формы страдательных причастий настоящего времени также передаются полной формой страдательных причастий прошедшего времени: Остап был *неутомим*. — т. : укр. Остап був *невблаганий*. — 1972.

На втором месте по встречаемости находятся неизменяемые формы на -но, -то, а на третьем — личные глагольные формы: русск. Василь был легко *ранен* в плечо. — 1951 : укр. Василя було *поранено* в плече. — Яновський; русск. Оба варианта были *задуманы* Остапом. — Ильф, Петров : укр. Обидва варіанти *придуманв* Остап. — 1972.

¹ Как след от них осталось несколько прилагательных с суффиксом -ом-, -им-: відомий, знайомий, питомий, видимий... Иредна встречаются такие образования в приподнятом поэтическом стиле.

² Четырехместная цифра за примером обозначает год издания опубликованного перевода.

1.1.2 Конструкции на *-но*, *-то* получают в лингвистической литературе отнюдь не единообразное истолкование (Затовканюк, 1984). Высказываясь об их морфологической и синтаксической природе, некоторые авторы склонны усматривать в них безлично-предикативные формы, аналогичные безличным конструкциям типа *завтра будет тепло, мне было жарко*. Но структурно организующей категорией конструкций на *-но*, *-то* следовало бы считать двукомпонентный пассив. В отличие от безличных конструкций последние, как и другие двукомпонентные пассивные конструкции, позитивно реагируют на неопределенно-личные трансформации, что связано с свойством пассива отодвигать агенса (агентивный компонент) на задний план не только тем, что он выражается второстепенным членом предложения (творит. падежом), а не подлежащим, но и тем, что агенса может совсем не иметь эксплицитного выражения: *Василя було поранено в плече*. ↔ *Василя поранили в плече*. Весьма обширным употреблением неопределенно-личных предложений компенсируется незначительное расширение пассивных оборотов в древнем языке (Костюченко, 1977).

Тем не менее в благоприятных условиях контекста некоторые такие конструкции позитивно реагируют и на активную трансформацию: *Вірші опубліковано в газетах*. → *Газети опублікували вірші* (Олексіенко, 1965). С одной стороны, неизменяемая форма *-но*, *-то* взятая сама по себе является страдательным причастием прошедшего времени, которому, сообразно с его грамматической природой, свойственна пассивная конструкция, как об этом была речь выше; с другой же стороны, это страдательное причастие, оставаясь пассивным, разрушает грамматически естественную для него связь с пациенсом, приобретая способность управлять пациенсом в винительном падеже (*Василя було поранено*, срав. *Василь був поранений*), что характерно для активных конструкций.

Частичный отход укр. конструкций на *-но*, *-то* от собственно пассивных оборотов отразился на резко ограничении сочетаемости ядра этих конструкций с творительным субъекта; обороты типа *державою було відпущено 7 кілограмів золота*, где творит. *державою* считается ненадлежащим (вместо надлежащего: *держава відпустила 7 кілограмів золота*), современной нормой не рекомендуются (Бурячок, 1970; Арват, 1975).

1.1.3 Удельный вес укр. пассива уменьшается и за счет личных глагольных форм вместо (ожидаемого) полного страдательного причастия или форм на *-но*, *-то*: На эти пятьдесят тысяч *будут куплены* автомобили. — Ильф, Петров : укр. На ці п'ятдесят тисяч *купимо* автомобілі. — 1972; Впрочем, скоро отдых *был нарушен* визгом автомобильных сирен. — т. : укр. А втім, відпочинок їхній *небавом порушив* виск автомобільних сирен. — 1972.

2. Отсутствие краткой формы страдат. причастия прошедшего времени в укр. языке — не единственный фактор, ограничивающий в нем объем категории пассива. Если взять атрибутивные пассивные конструкции, распространяющие константные или факультативные компоненты других предикативных конструкций (так наз. причастные обороты, полупредикативные конструкции), то критерий краткой формы для них иррелевантен. В обоих языках они выражаются при помощи полной формы страдат. причастия: ... муж съезжился, подавленный тоном этого застарелого раздражения. — Леонов : укр. ... чоловік скулився, пригнічений

тоном цього застарілого роздратовання. — 1956. В косвенном падеже: Таиска старалась представить, что сейчас творится на Енге, занятой немцами ... — т.: укр. Таїска постаралась уявити, що тепер робиться на Ензі, зайнятій німцями ... — 1956.

2.1. Все же около 20 проц. укр. конструкций, эквивалентных русским атрибутивным пассивным конструкциям, „избегают“ пассивных построений, отдавая предпочтение построениям с личной глагольной формой и активному обороту. По нисходящей линии встречаемости эти эквиваленты представлены следующим образом.

(а) Вместо атрибутивной пассивной конструкции — придаточное определительное предложение: ...пятьдесят рублей, выданных мамой... — Леонов: укр. ...п'ятдесят карбованців, що їх видала мама... — 1956; ...вещи, заботливо сбереженные ею [Таиской]... — т.: укр. ...речі, які вона дбайливо зберегла... — т.; ...первая ночь, проведенная им [Иваном] на ногах. — т.: укр. ...перша ніч, що він провів на ногах. — т.; ...двадцать пять рублей, выданные ему [Вихрову] в пьяном виде одним лесопромышленником... — т.: укр. ..., які видав йому лісопромисловець... — т.; ...ущерб, нанесенный моими старыми друзьями. — т.: укр. ...збитки, що їх завдали йому мої давні друзі. — т.

(б) Вместо атрибут. пассивной конструкции — рамочное предложение, „впитавшее“ ее в себя: ...двухтомное Введение в науку о лесе, воспринятое Грацианским как коварное нарушение перемирия. — Леонов: укр. Цю роботу Граціанський сприйняв як підступне порушення перемир'я. — 1956; ...прекрасной Ипати, растерзанной монахами... — т.: укр. ...як...чечі розтерзали прекрасну Іпатію... — т.

(в) Вместо атрибутивной пассивной конструкции — сложно-сочиненное предложение: ...несколько недружных хлопков, погашенных пиканем большинства... — т.: укр. Кілька чоловік неодностайно заплескали, але оплески їх погасили. — т.

(г) Вместо атрибутивной пассивной конструкции — бессоюзное предложение: ...голоса родной земли, подслушанные Вихровым... — т.: укр. ...голоси рідної землі, — їх підслухав Віхров... — т.

(д) Вместо атрибутивной пассивной конструкции — конструкция с предлогом: ...описания...подвигов, сопровождаемые портретами героев... — т.: укр. ...описи...подвигів з портретами героїв. — т.

В связи с пунктом (а) следует отметить больший рост количества придаточных определительных предложений в украинском и белорусском языках по сравнению с русским языком (на 30—40 проц.), как это установлено Г. Н. Акимовой (Акимова, 1964; Гладкий, 1930).

2.2 Как видно, довольно значительной части украинских конструкций „не предписаны“ атрибутивные пассивные обороты, что, очевидно, связано с вопросом о грамматико-семантических факторах, препятствующих их употреблению.

2.2.1 Как кажется, одним из таких факторов можно считать необычность для украинского языка творительного деятеля, в частности, творительного одушевленных существительных, на что в свое время обратил внимание Е. Тымченко.³ В принципе это наблюдение подтверждается и нашими материалами. В атрибутивных пассивных конструкциях, совпадающих в обоих языках, где агенс выражен творит. падежом тоже в украинском, на долю одушевленных существительных приходится всего 8 проц. употреблений, а там, где украинским грамматическим эквивалентом является

³ „В українським інструменталь живих істот не найшов поширення; ми його подібуємо дуже рідко і в прикладах або виразно під церковнослов'янським впливом ..., або що його не виключають...“ (Тимченко, 1926, стр. 73).

активный оборот с личной формой глагола, — на долю одушевленных существительных (в не творительном падеже) приходится около 85 проц. употреблений. Весьма наглядно это демонстрируется примером, где творительный деятеля восполняется в украинском не творительным падежом (а родительным) даже там, где в обоих языках сохраняется ядро пассивной конструкции в подобии страдательного причастия прошедшего времени: укр. *Задумане рішення Полі* (родит. пад.) — срав. русск. *Задуманное Полю* (творит.) решение.

Это явление объяснимо формированием укр. литературного языка на народной основе и незначительным влиянием на него моделей старославянских памятников и церковнославянской литературы вообще. И, наоборот, значительно больший удельный вес этого влияния на русский литературный язык сказался и на большей употребительности творительного деятеля в русском (Костюченко, 1977).

2.2.2 Обособленные атрибутивные пассивные конструкции являются более благоприятным фактором для функционирования украинского пассива, чем необособленные (86 проц. употреблений в первом случае против 50 проц. — во втором), срав.: ... нас не запугаешь законами, *придуманними* для себя буржуазией. — Леонов = укр. ... нас не залякаєш законами, *вигаданими* для себе буржуазією. — 1956. ... как ты намерена применить ... *купленный* тобою словарь итальянского языка? — т. ≠ укр. ... ось *ти купила* словник італійської мови — як ти гадаєш застосувати його? — т.; это, по всей вероятности, связано с наличием пояснительных слов в обособленных конструкциях.

3. Вышесказанное частично относится и к укр. эквивалентам русских атрибутивных пассивных конструкций на *-м-*. Ввиду отсутствия этой формы в укр. языке она возмещается преимущественно личными глагольными формами в активных оборотах: ... хлеб или обувь, *изготавливаемые* другими. — Леонов : укр. ... хліб чи взуття, що їх *виготовляють* інші. — 1956; *Терзаемый* видением больших заводских барабанов, ... отец Федор изобретал различные проекты ... — Ильф, Петров : укр. Панотця *мучили* видіння великих заводських барабанів ... — 1972.

При этом обнаруживается, что русские страдательные причастия настоящего времени могут адекватно восполняться украинскими страдательными причастиями прошедшего времени: ... пока это бревно не уплыло вниз по Днепру, *гонимое* новой верой и царевни. — Леонов : укр. ... колода ..., *гнана* новою вірою і зневагою царівни. — 1956; ... признанья, *приносимые* дурным ... голосом. — т. : укр. ... признання, *мовлені* глухим ... голосом. — т. Вместе с тем следует учитывать, что укр. страдательное причастие прошедшего времени выступает и в роли транспозитора русских не пассивных конструкций с постфиксом *-ся* в оборотах типа *собравшиеся колхозники, заблудившееся животное, рассмеявшиеся глаза* (— укр. *зібрані колгоспники, заблукана тварина, розсміяні очі*), так что наблюдается ослабление выразительности пассивного значения этого причастия. Дополнительный аргумент в пользу этого утверждения мы находим в работе Г. М. Гнатюк, установившей целый ряд причастий на *-ний, -тий*, соотносимых как с переходными глаголами на *-ти*, так и с парными непереходными на *-тися* (напр. *взутый* — *взуты*: ... ступали ноги, *взуті* в постоля; *взутый* — *взутися*: Денис, *взутий* в гумові чоботи, *скочив*

у воду ...) (Гнатюк, 1975). Но зафиксирован ряд и таких образований на *-ний, -тий*, которые, не будучи прилагательными, соотносимы только с возвратными глаголами (*вдивитися*: вдивлені в пекучі небосхили шахтарі; *провинитися*: провинений школяр; *зспіватися*: народ горлатий і зспіваний).

3.1 Какова природа этого явления? Мы имеем дело с образованием страдательных причастий на *-ний, -тий* без пассивного значения, или же с отношением между разными словами? Очень вероятно, что в таких случаях происходит расширение функционирования форм на *-ний, -тий*, которые, оставаясь пассивными по форме, занимают промежуточное положение между пассивом и не пассивом по значению. Это можно увязывать также с тенденцией к расширению атрибутивных функций причастий за счет предикативных в современном укр. языке (в сравнении с языком художественной литературы 19-ого века) (Гнатюк, 1980).

При значительно продвинутых семантических сдвигах происходит отрыв от глагольного значения, и формы на *-ний, -тий* лексикализируются в направлении лексической полисемии или даже лексической омонимии (напр., *розбивати скло — розбите скло, но я такий розбитий — бессильный*).

3.2 Изучается мера нейтрализации значения пассивности и условия, благоприятствующие пассивной интерпретации в таких случаях, когда творительный падеж при страдательном причастии прошедшего времени, или же при глаголе с постфиксом *-ся* обозначает неодушевленный предмет. Проверочные приемы пассивного значения таких конструкций в русском языке используются Г. Балажом (Балаж, 1977). Применительно к украинскому материалу, по нашим наблюдениям, в этом отношении не имеются сколько-нибудь значительные расхождения в плане двух языков (срав. изложение выше, пункт 2.2.1).

4. Из сказанного вытекает, что отсутствие специализированных причастных пассивных форм в украинском языке влечет за собой некоторую универсализацию полной формы страдательного причастия прошедшего времени на *-ний, -тий*. Это, в свою очередь, сказывается на ослабленной выразительности пассивного значения, усугубляющейся тем, что в украинском не нашел распространения творительный деятеля одушевленных существительных. Как и следовало ожидать, „пустые клетки“ ослабленного пассива частично восполняются конструкциями с личными формами глагола, что связано с более широкой сферой употребления личных глаголов в украинском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- АКИМОВА Г. Н.: Тенденции в развитии относительного подчинения в современных восточнославянских языках, Известия АН СССР, ОЛЯ, 1964, 2, стр. 138—144.
- АРВАТ Н. Н.: Грамматическая и семантическая структура односоставных „причастных“ предложений в современных русском и украинском языках, сб. Сопоставительное исследование русского и украинского языков, Наукова думка, Київ 1975, стр. 250—273.
- BALÁŽ G.: Konštrukcie s tvármi pasívnych prídastí v súčasnej ruštine, Slavica Slovaca, 3, 1968, 246 n.
- БАЛАЖ Г.: Пассивные конструкции с выраженным агенсом в русском языке, сб.

- Zborník katedry ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty univerzity Komenského k 30. výročiu vzniku katedry, Univerzita Komenského, 1977, 50—62.
- БУРЯЧОК А. А.: Про мову популярних журналів, сб. Питання мовної культури, 4, Київ 1970, 94—95.
- ГЛАДКИЙ М.: Мова сучасного українського письменства, Харків — Київ, 1930.
- ГНАТЮК Г. М.: Синтаксичні функції дієприкметників у сучасній українській літературній мові, Мовознавство 1980, 4 (82), 18—28.
- ГНАТЮК Г. М.: Явища граматичної й семантичної співвіднесеності в системі форм дієприкметника української літературної мови, сб. Морфологічна будова сучасної української мови, Наукова думка, Київ 1975, 158—189.
- ЗАТОВКАНЮК М.: До характеристики українських конструкцій типу козаченька вбито, *Slavia*, 53, 1984, v. 1—11.
- КОСТЮЧЕНКО Ю. П.: Значение деятеля при страдательном залоге (агенса) и творительный падеж в славянских языках, *Вопросы языкознания* 1977, 1, 93.
- ОЛЕКСІЄНКО Л. А.: Трансформаційний аналіз пасивних конструкцій, сб. Структурно-математична лінгвістика, Наукова думка, Київ 1965, 36—37.
- ТИМЧЕНКО Є.: Вокатив і інструменталь в українській мові, УАН, Київ 1926.

PROBLEMATIKA UKRAJINSKÉHO PASÍVA (NA POZADÍ RUŠTINY)

Autor věnuje pozornost čitelům, které mají vliv na strukturu ukrajinského pasíva. Jedním z nich je skutečnost, že v ukrajinštině došlo ke ztrátě slovesných tvarů specializovaných pro predikativní funkci (tj. jmenných tvarů pasivních participií). Tato ztráta má za následek jistou univerzalizaci tvarů na -ний, -тий, jejichž pasivní význam je v některých případech oslaben (sr. např. провинений школяр). K oslabení pasivního významu participiálních konstrukcí přispívá dále ta skutečnost, že je v ukrajinštině značně omezen instrumentál činitele děje (na rozdíl od ruštiny, kde se rozšířil vlivem staroslověnským). V porovnání s ruštinou se tvary na -ний, -тий vyskytují jen asi v 50 % srovnatelných konstrukcí. Na místě pasivních participiálních obrátů ruských se v ukrajinštině v mnoha případech užívá útvarů jiných, např. přívlastkových vět s aktivními slovesnými tvary, souřadných větých konstrukcí, nevětých vazeb apod. Sr.: пятьдесят рублей, выданных мамой — п'ятдесят карбованців, що їх видала мама; голоса родной земли, подслушанные Вихровым — голоси рідної землі, — їх підслухав Віхров; описания подвигов, сопровождаемые портретами героев — описи подвигів з портретами героїв.